

Губительное бессмертие: мотив перехитренного кузнеца в польской народной сказке

Анна Залевска

*Университет Николая Коперника, Торунь, Польша,
a.zalewska@doktorant.umk.pl*

Аннотация. Во многих текстах славянского фольклора, в том числе в народной сказке, нашли отражение представления о демонических свойствах людей неаграрных профессий. В частности, к ним относится герой настоящего анализа, а именно кузнец.

Главная задача исследования состоит в выявлении своеобразия сказочного мотива перехитренного кузнеца. Нас будут интересовать особенности его поведения, формы взаимодействия с другими персонажами, атрибуты освоенного им ремесла, выполняемые им функции, а также его посмертный статус.

Сказочный образ кузнеца во многом соответствует его восприятию в традиционной культуре, в которой он относился к категории «чужой среди своих» из-за специализированных знаний и умений. Итак, герой нашего исследования практикует магию, сговаривается с нечистой силой, злоупотребляет алкоголем, а также чрезмерно пристрастен к материальным благам. Кроме того, он проявляет пренебрежительное отношение к смерти, не позволяя ей исполнить свои обязанности. Поскольку смерть мыслится залогом гармонии и равновесия, поведение кузнеца следует признать особенно опасным, нарушающим божественный порядок мира. Сказочному кузнецу присущи черты мифологического трикстера, использующего трюк с целью победить своего противника или получить доступ к определенным благам. Как ловкач и дьявольский сообщник, приобретающий земное богатство с помощью потусторонних сил, ремесленник вписывается в деревенское представление об обреченном на проклятие грешнике, что сказывается на его посмертной участи. Источником для анализа послужили варианты сюжетного типа Т 330А «Kowal i diabli (Śmierć na gruszy)» («Кузнец и черти (Смерть на груше)»; ATU 330 «The Smith and the Devil»).

Ключевые слова: кузнец, народная сказка, демонологизация профессий, сговор с дьяволом, трикстер

Для цитирования: Залевска А. Губительное бессмертие: мотив перехитренного кузнеца в польской народной сказке // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2022. Т. 5. № 1. С. 54–68. DOI: 10.28995/2658-5294-2022-5-1-54-68

Fatal immortality. The blacksmith motif in Polish folktales

Anna Zalewska

*Nicolaus Copernicus University, Torun, Poland,
a.zalewska@doktorant.umk.pl*

Abstract. Numerous texts of Slavic folklore, including the folk fairy tale, reflect ideas concerning the demonic properties of non-agricultural professions. These include, in particular, the hero of this analysis, namely the blacksmith.

The primary research objective involves illustrating the specificity of the fairy tale image of a blacksmith. The peculiarities of his behaviour, forms of interaction with other characters, the attributes of the craft he mastered, the functions he performs, as well as his posthumous status will be taken into account.

The fairy tale image of the blacksmith largely corresponds to his reception in traditional culture, in which he was classified as “stranger among his own” due to his specialized knowledge and skills. Therefore, the protagonist of these considerations practises magic, parleys with impure forces, abuses alcohol, and also excessively strives for material goods. Moreover, he shows a disrespectful attitude towards death, preventing it from fulfilling its duty. Because death is seen as a guarantee of harmony and balance, the blacksmith’s behaviour should be considered particularly dangerous, disruptive to the divine order of the world. A fairy tale blacksmith is characterized by the features of a mythological trickster who uses deception to defeat his opponent or gain access to certain goods. As a fraudster and devilish collaborator gaining earthly wealth through the aid of forces from the beyond, the craftsman fits into the rural image of a condemned sinner, which affects his posthumous status. Variants of the T 330A “Kowal i diabli (Śmierć na gruszy)” («Кузнец и черти (Смерть на груше)»; ATU 330 “The Smith and the Devil”) fairy tale plot were used as the source for the analysis.

Keywords: blacksmith, folktale, demonologisation of the professions, pact with the devil, trickster

For citation: Zalewska, A. (2022), “Fatal immortality. The blacksmith motif in Polish folktales”, *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 5, no. 1, pp. 54–68, DOI: 10.28995/2658-5294-2022-5-1-54-68

Относительно большую группу персонажей польской народной сказки составляют представители различных несельскохозяйственных профессий. Согласно традиционным верованиям славян, они, как правило, соотносятся с демонической сферой. Выше-сказанное в первую очередь касается ремесленников, в частности кузнеца и мельника¹, обладающих специализированными знаниями и умениями², а также способных управлять стихией соответственно огня и воды. Настоящая статья посвящена «хозяину огня», народный образ которого сформировался не только на основании крестьянских наблюдений, но и многих текстов культуры. Стоит отметить, что уже в древних мифах кузнец неоднократно занимал высокое место среди других божеств, а иногда ему приписывалось также участие в сотворении мира³ или инициационных ритуалах [Eliade 2007, ss. 108–113]. Поэтому неудивительно, что деревенская община проявляла амбивалентное отношение к упомянутому ремесленнику, внушающему как уважение, так и страх. На это повлияли следующие факторы: высокий финансовый статус, умение покорить стихию огня и воды во времяковки железа и предполагаемая связь со сверхъестественной силой. Кроме того, его социальное положение повышали предлагаемые им медицинские услуги, требующие хирургического вмешательства (например, совмещение сломанных костей или удаление зубов), а также умение лечить лошадей⁴ [Karczmarzewski 1976, ss. 18–22].

¹ По народным убеждениям, согласно которым лишь сельскохозяйственная деятельность исходит от Бога, с демонической сферой связаны также, например, пастух и музыкант. Члены традиционного общества относились к представителям неаграрных профессий с недоверием, что объясняется также их изоляцией от людей, трудящихся в качестве земледельцев [Zadurska 2021, ss. 99–101].

² Вопрос специализации кузнецов поднимается, например, Аркадием Никитиным [Никитин 1971, с. 22–24].

³ На тему божественных коннотаций кузнечного ремесла и его социальной рецепции среди нецивилизованных племен см. [Eliade 2007, ss. 89–100], а также см.: *Иванов Вяч.Вс.* Кузнец // Мифы народов мира / Под ред. С.А. Токарева. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 21–22. Любопытно, что в первобытных обществах к «хозяину огня» относились с таким же уважением, как к самому шаману, на что повлияло приписываемое ему обладание высшим знанием, а впоследствии – его социальная изоляция [Poprzęcka 1972, s. 123].

⁴ *Biegeleisen H.* Lecznictwo ludu polskiego. Kraków: Wydawnictwo Polskiej Akademii Umiejętności, 1929. S. 84, 171–172. Вопрос, связанный с лечебной деятельностью кузнеца, поднимался также Збигневом Ясевичем [Jasiewicz 1963, ss. 141–143] и Петром Ковальским [Kowalski 2007,

Вышеупомянутые убеждения, касающиеся, в частности, взаимодействий кузнеца с нечистыми духами, нашли отражение в разных жанрах фольклорной прозы, в том числе в волшебной сказке. Показательным примером являются польские реализации сюжетного типа Т 330А “Kowal i diabli (Śmierć na gruszy)”⁵ («Кузнец и черт (Смерть на груше)»; ATU 330 “The Smith and the Devil”)⁶, зафиксированные нашими ведущими этнографами и любителями народной культуры. Содержательным центром повествования является образ кузнеца, использующего некоторые волшебные предметы с целью победить беспокоившего его демонического противника – дьявола или смерть. В результате совершенных действий герой не может попасть ни в рай, ни в ад либо достигает спасения, прибегая к трюку. Как пример повествований фикционального характера, они своеобразно воплотили народные представления об указанном ремесленнике, а также его социальное восприятие в традиционном сообществе.

Следует притом особо прокомментировать жанровый статус рассматриваемых повествований. Вслед за составителем указателя польской сказки мы можем их отнести к группе волшебных повествований, но при условии, что для их жанровой идентификации мы используем категорию интенции [Ługowska 1993, ss. 175–176, 182]. Посмертная участь кузнеца, отвергнутого как раем, так и адом, может удовлетворить чувство справедливости слушателя этих нарративов, способствуя реализации компенсаторной и отчасти дидактической интенций. А если повествователь на первый план выдвигает ловкость и смекалку ремесленника,

ss. 248–249]. Стоит при этом добавить, что в народной культуре самому железу приписывались не только лечебные, но и магические и антидемонические свойства [Kowalski 2007, ss. 648–650].

⁵ Примечательно существование других жанровых разновидностей фольклорной прозы, главным героем которых является «хозяин огня», например: Т 753 “Kowal i Chrystus (odmłodzenie)” («Кузнец и Христос (омоложение)»; ATU 753 “Christ and the Smith”), а также Т 1159 “Diabeł i śrubstak” («Дьявол и тиски»; ATU 1159 “Ogre Caught in a Cleft”), относящиеся соответственно к жанру легенды (в русской терминологии – скорее легендарной сказки (Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост. Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабачников, Н.В. Новиков; ред. К.В. Чистов. Л.: Наука, 1979) и комической сказки (*Krzyżanowski J. Polska bajka ludowa w układzie systematycznym*. Т. 1. Wrocław; Warszawa; Kraków: Ossolineum, 1962).

⁶ В русской сказке упомянутый сюжетный тип получил название «Солдат (кузнец) и черт (Смерть)», однако в большинстве вариантов в роли главного героя выступает солдат.

способного пережить всех сверхъестественных противников, то это тем более соответствует желанию человека почувствовать превосходство – пусть и иллюзорное и недолговременное – над самой загадочной для него сферой бытия.

Настоящий анализ проводится в контексте верований и мифологических рассказов, посвященных народному образу кузнеца. Благодаря такому подходу возможной стала постановка вопроса о преобразованиях интересующего нас ремесленника под влиянием жанровых законов нарративов фикционального характера, а именно – волшебной сказки. Кроме своеобразия жанровой интерпретации образа кузнеца в статье речь пойдет о выполняемых им функциях, особенностях его поведения, формах взаимодействия с другими персонажами, атрибутах освоенного им ремесла, а также о его посмертном статусе.

Кузнец перед лицом земных искушений

Как правило, профессия кузнеца принадлежала к хорошо оплачиваемым и относительно престижным занятиям⁷, что у жителей деревенской общины нередко вызывало ряд негативных чувств – от ревности до открытой враждебности. Вопрос состоятельности «хозяина огня», его высокий финансовый статус нашел отражение также в волшебной сказке. Наиболее очевидным доказательством богатства героя является непосредственное замечание повествователя о накопленном им имуществе, например сумке с деньгами, чудесным образом защищенными от кражи⁸. В одном из вариантов кузнеца обвиняют в том, что он скрывает заклятые деньги под мехом, за что его приговаривают к смерти на виселице, однако ему удается сбежать⁹. В другой раз сам св. Петр упрекает ремесленника, что он не трудится для спасения своей души, а заботится лишь о материальных благах, поскольку кузнец просит Христа лишь о красивых плодах груши и хорошем вине¹⁰. Свидетельством благосостояния героя счи-

⁷ Стоит притом помнить, что кузнецы не только выполняли государственные заказы, но и занимались частной предпринимательской деятельностью. См.: [Никитин 1971, с. 31–32].

⁸ Kolberg O. *Dzieła Wszystkie*. T. 3. Kujawy. Cz. 1. Wrocław; Poznań: Polskie Towarzystwo Ludoznawcze, 1962. S. 181.

⁹ Ciszewski S. *Krakowiaczy: Monografia etnograficzna*. T. 1. Kraków: Nakładem autora, 1894. S. 159–160.

¹⁰ Malinowski A. *Powieści ludu polskiego na Śląsku // Materiały Antropologiczno-Archeologiczne i Etnograficzne*. 1901. Vol. 5. S. 107.

тается также число работающих на него подмастерьев – часто трех¹¹, а иногда даже двенадцати¹².

С другой стороны, в некоторых реализациях сюжетного типа Т 330А отмечается, что кузнецу не везет в жизни в финансовом отношении. «Хозяин огня» склонен тогда разбогатеть любым образом, даже если это требует продажи души дьяволу, например, через двадцать лет¹³. Хорошо разбираясь в слабостях ремесленника, черт иногда по собственной инициативе предлагает ему большую сумму денег в надежде на то, что легким путем сможет перехватить контроль над его душой¹⁴.

Отметим, что в отдельных вариантах рассматриваемых нарративов кузнец представлен не только как скряга и жадный человек, но и как обычный пьяница. Бывает, что сказочный «хозяин огня» день за днем возвращается из корчмы в состоянии сильного алкогольного опьянения, поэтому ему приходится возлагать свои обязанности на собственных подмастерьев¹⁵. Более того, злоупотребление алкоголем приводит героя к крайней нищете после отказа от профессиональной деятельности¹⁶. Следовательно, пагубная привычка возбуждает низменные инстинкты, тесно связанные с демонической сферой порывов.

К исключениям следует отнести повествования, в которых кузнец живет по Божьим заповедям: честно работает, угощает нищих и странников¹⁷, лишь изредка употребляет алкоголь¹⁸, соблюдает установленный собой пост, а также выполняет мелкие заказы за пресловутое «благослови вас Бог»¹⁹. Нарративы этого типа отражают, пожалуй, истинное уважение, которым этот ремесленник пользовался в деревенской среде.

¹¹ Kolberg O. *Dzieła Wszystkie*. T. 14. Wielkie Księstwo Poznańskie. Cz. 6. Wrocław; Poznań: Polskie Towarzystwo Ludoznawcze, 1982. S. 248.

¹² Ciszewski S. *Op. cit.* S. 159.

¹³ Knoop O. *Podania i opowiadania z W.Ks. Poznańskiego*. Przeł. Z.A. Kowerska // *Wisła. Miesięcznik geograficzno-etnograficzny*. 1894. Vol. 8. S. 767.

¹⁴ Wierchowowski Z. *Baśni i powieści z puszczy Sandomierskiej* // *Zbiór Wiadomości do Antropologii Krajowej*. 1892. Vol. 16. S. 75.

¹⁵ Wierchowowski Z. *Baśni i powieści z puszczy Sandomierskiej* // *Zbiór Wiadomości do Antropologii Krajowej*. 1892. Vol. 16. S. 75.

¹⁶ Lompa J. *Klechdy, czyli baśnie ludu polskiego na Śląsku*. Warszawa: Nakładem księgarni A.G. Dubowskiego, 1900. S. 27.

¹⁷ См.: Udziela S. *Świat nadmysłowy ludu krakowskiego na prawym brzegu Wisły* // *Wisła. Miesięcznik geograficzno-etnograficzny*. 1899. Vol. 13. S. 208.

¹⁸ Lompa J. *Op. cit.* S. 53.

¹⁹ *Ibid.* S. 26; Udziela S. *Op. cit.*

Связь «хозяина огня» с нечистой силой

Как было сказано выше, кузнечное искусство принадлежало к профессиям, подвергшимся в традиционной культуре процессу сильной демонологизации, поскольку оно требовало от человека недоступных обычному крестьянину знаний, а также ловкости рук и применения значительной физической силы²⁰. Именно поэтому распространилось убеждение, что указанное ремесло непосредственно связано с колдовством и чертовским воздействием²¹, а также хтонической сферой – подземным миром, нечистой силой и адским огнем [Kowalski 2007, s. 246]. В одном из народных повествований рассказчик прямо заявляет, что именно дьявол скрывается в облике кузнеца, посмертно наказывающего нечестных чиновников²². Другим важным фактором, влияющим на социальную рецепцию героя нашего анализа, является локализация кузницы. Мастерская для ручнойковки металла находилась в обособленном, медиативном месте, в том числе на перекрестке²³ [Kowalski 2007, s. 245], что якобы подчеркивало маргинальность «хозяина огня» и его связь со сверхъестественным миром. Кроме того, как замечает Мария Попшенца, «сам процесс обработки железа ритуализирован, кузница же является культовым местом» [Poręcka 1972, ss. 123–124]. Сильные ассоциации с адской бездной вызывал одновременно темный и почерневший от огня интерьер мастерской [Zadurska 2021, ss. 108–109].

Во-вторых, создание негативного образа кузнеца следует рассматривать в свете деревенского и шире – мифологического типа мышления, согласно которому любое богатство, изобилие земных благ не обходится без вмешательства потусторонних сил, в том числе черта. Ольга Задурска верно отмечает, что ревность и зависть, проявляемые в обращении с кузнецом, отчасти привели даже к его исключению из крестьянского общества, а вместе с ним и других представителей профессий, считаемых «магическими», и к их восприятию в категориях «чужести» («чужие среди своих») [Zadurska 2021, ss. 109–110]. Стоит притом добавить, что, по народным убеждениям, указанные ремесленники после своей

²⁰ Korybutiak Z. Kowalstwo ludowe w województwie wileńskim. Wilno: Dziennik Urzędowy Kuratorium Okręgu Szkolnego Wileńskiego, 1936. S. 27.

²¹ Петрухин В.Я. Кузнец // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. Т. 3. М.: Международные отношения, 2004. С. 22.

²² Toeppen M. Wierzenia mazurskie. Przeł. E. Piltzówna // Wisła. Miesięcznik geograficzno-etnograficzny. 1893. Vol. 7. Z. 1. S. 7–8.

²³ Korybutiak Z. Op. cit. S. 10.

смерти превращаются в так называемых заложных покойников²⁴ – опасных мертвецов, причиняющих вред людям и животным, а также способных вызвать неблагоприятные атмосферные явления, такие как, например, засуха или градобитие.

В контексте приведенных замечаний неудивительно, что сказочный кузнец неоднократно явно сотрудничает с дьяволом, а иногда даже продает ему свою душу в обмен на повышение уровня ремесленных навыков или, как было раньше сказано, улучшение своего материального положения. С целью разбогатеть либо занять деньги для повседневных нужд, герой готов подписать контракт с адским посланником. Как выясняется, совершение такого поступка становится еще более вероятным перед лицом смерти. В одном из повествований кузнец поднимается по стене к горничной, но на полпути повисает на веревке. Недолго думая, ремесленник заключает сделку с дьяволом за оказанную им помощь²⁵. К исключениям следует отнести случаи превосходства кузнеца над враждебным дарителем, когда удается получить обратно подписанный им акт продажи души²⁶.

Дьявол и смерть в ловушке сказочного кузнеца

В свете вышесказанного рассматриваемые нами нарративы являются наглядным примером как интеллектуальной, так и физической борьбы персонажей с демоническими коннотациями. В качестве ловушки для своих сверхъестественных противников (черта или смерти) кузнец использует волшебные предметы и объекты, неоднократно полученные от божественных дарителей (Христа, св. Петра, реже – св. Иосифа). Магическими свойствами наделены чаще всего фруктовое дерево (обычно груша, реже яблоня или вишня), скамейка, табурет, наковальня и кузница, а иногда также мешок, сумка, бочка и бутылка²⁷. Согласно желанию главного героя, кто к ним прикоснется или на них сядет, тому неведомая

²⁴ Левкиевская Е.Е. Покойник «заложный» // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. Т. 4. М.: Международные отношения, 2009. С. 120.

²⁵ Kolberg O. *Dzieła Wszystkie*. Т. 14. S. 211.

²⁶ *Udziela S.* Op. cit. S. 209.

²⁷ Мотив, связанный с земным путешествием Христа, св. Петра и других апостолов или святых церкви, характерен для легендарной сказки, о чем свидетельствует, например, содержание сюжетного типа СУС – 750В**** «Чудесные странники (Христос и св. Петр на ночлеге, на перевозе)» (ATU 750B “Hospitality Rewarded”).

сила не позволит от них освободиться, пока их владелец не даст на это согласия. Срок «заключения» сказочного антагониста варьируется от двух дней до нескольких лет. Иногда в виде исключения кузнец решает освободить дьявола при условии, что тот пообещает больше не возвращаться²⁸.

Как правило, в данном эпизоде интересующего нас сюжетного типа «хозяин огня» отчасти проявляет черты мифологического трикстера, применяя три основных вида трюка с целью усыпить бдительность своего оппонента. Во-первых, он обращается к нечистому с просьбой помочь ему на работе, например подать заколдованный предмет. В следующий раз кузнец, притворяясь гостеприимным хозяином, предлагает черту отдохнуть на стуле. Наконец мужчина уговаривает нечистого сорвать фрукты с дерева, с которого тот не может спуститься. Хитрый ремесленник преувеличивает притом возможности своего противника [Новик 1993, с. 153], обращая внимание на его физическую силу и молодой век.

Последствие примененных трюков всегда одно и то же: наивный и неосторожный дьявол на какое-то время обезврежен, поскольку его обездвиживает некая волшебная сила. Используя подходящую обстановку, кузнец приказывает бить чертей молотами на наковальне или сам хватает цепь, чтобы прогнать нечистого, в чем соучаствует его сын²⁹. К другим хитростям кузнеца следует отнести использование им железного обруча с целью приковать дьявола к заколдованной бочке³⁰, а также применение при столкновении с ним освященных предметов и сакраменталий, например молотка³¹ или святой воды³². Стоит добавить, что кузнец прибегает иногда к более жестоким методам наказания чертей, например прибивает их за уши к вратам в ад³³.

Значительно реже в функции противника кузнеца выступает персонифицированная смерть³⁴ (Т 330А). В одном из интересую-

²⁸ *Udziela S.* Op. cit.; *Saloni A.* Lud łańcucki: Materiały etnograficzne // Materiały Antropologiczno-Archeologiczne i Etnograficzne. 1903. Vol. 6. S. 342.

²⁹ *Saloni A.* Lud rzeszowski: Materiały etnograficzne // Materiały Antropologiczno-Archeologiczne i Etnograficzne. 1908. Vol. 10. S. 250.

³⁰ *Lompa J.* Op. cit. S. 54.

³¹ *Udziela S.* Op. cit.

³² *Lompa J.* Op. cit. S. 28.

³³ *Lorentz F.* Teksty pomorskie czyli słowińsko-kaszubskie. T. 1. Kraków: Akademia Umiejętności, 1912. S. 242.

³⁴ На тему образа персонифицированной смерти, присутствующей в текстах сказочного и несказочного фольклора, см. [Rzepnikowska 2019, s. 123–135].

щих нас нарративов доживший до старости герой, казалось бы, решает добровольно расстаться с жизнью, если исполнительница Божьих приговоров согласится войти в бутылку. Неподозревающая подвоха смерть вынуждена пребывать в заключении даже несколько лет³⁵. Тем самым, согласно типологии сказочного трюка, разработанной Еленой Сергеевной Новик, ремесленник преуменьшает в глазах антагониста себя как потенциального противника, поскольку своим поведением выражает мнимую пассивность и покорность [Новик 1993, с. 153]. Бывает также, что герой намеренно преуменьшает ценность объекта [Новик 1993, с. 153] в виде изготовленного собой гроба, намекая, что он неудобный. По приказу кузнеца вестница смерти самостоятельно проверяет качество его работы, однако тот, откровенно над ней насмехаясь, захлопывает крышку и бросает *mors* в пруд³⁶.

*Между небом и адом –
посмертный статус сказочного кузнеца*

Из-за поступков героя нашего исследования загробное путешествие его души не имеет конца, поскольку он не может попасть ни в рай, ни в ад. Следовательно, его посмертный статус неоднозначен, поэтому ремесленник, осознавая свое затруднительное положение, горюет: “Boże – p^oadął se – chtóż me teraz weźnie? Śmierci ch poká^uráł, nie chcū me. Dyby ch^oć dyá^uboł prišo^eł po mnie!”³⁷ [«Боже, – сказал себе, – кто меня теперь примет? Смерть я наказал, она меня не хочет. Хоть бы дьявол пришел за мной!»]. Бывает также, что сам Христос направляет грешного героя прямо в ад, обращаясь к нему со следующими словами:

Zapisałeś się trzy razy piekłu i użyłeś na złe darów moich, aby piekło oszukać; tym więc postępkim zagładziłeś wszystkie twoje dobre uczynki. Kto darów Bożych na złe używa, takim na ziemi i źli i dobrzy jednakowo się brzydzą; takiego po śmierci i niebo i piekło odpycha; ty jednak wiecznie w piekle idź mieszkać³⁸.

[Ты три раза продал себя аду и использовал во зло мои дары, чтобы ад перехитрить; тем же проступком ты уничтожил все свои добрые действия. Кто Божьи дары использует во зло, тот на земле и плохим, и добрым одинаково отвратителен; того после смерти и небо, и ад отталкивает; ты же навечно в ад иди жить].

³⁵ Ciszewski S. Op. cit. S. 160–161.

³⁶ Ibid. S. 162.

³⁷ Malinowski A. Op. cit. S. 108.

³⁸ Lompa J. Op. cit. S. 31.

В свою очередь дьявол и черти, напуганные кузнецом³⁹, запирают перед ним двери подземного царства.

В другом варианте несчастный ремесленник наполовину застревает в воротах небес⁴⁰, символически отображая лиминальное состояние человеческой души между земным и потусторонним мирами. Однажды сам правитель ада невольно помогает кузнецу достигнуть спасения, пытаясь любым образом избавиться от жестокого истязателя. Нечистый прибегает к шантажу перед Богом, отказываясь вернуться в свое царство и угрожая постоянным пребыванием у ворот, ведущих в небо, пока надоевший чертям ремесленник не попадет в рай⁴¹. Творец не находит другого выхода и соглашается принять кузнеца к себе. Трикстерская природа героя иногда помогает ему самостоятельно выбраться из ловушки. На вопрос св. Петра, кто подошел к вратам неба, мужчина отвечает по-немецки *ich*, то есть «я»⁴². Апостол, уверенный,

³⁹ В одном из вариантов кузнец не только физически жестоко обращается с чертями, но и угрожает им, что построит монастырь возле ада (Ciszewski S. Op. cit. S. 160).

⁴⁰ *Lompa J.* Op. cit. S. 56.

⁴¹ *Lorentz F.* Op. cit.

⁴² В данном случае усиливается «чуждость» кузнеца, основанная на актуализации этнического стереотипа немца, владеющего языком, лишенным коммуникативной функции (этним «немец» происходит от лексемы «немой», то есть «неговорящий»), см.: *Wilczyńska E.* Niemiec // *Słownik polskiej bajki ludowej* / Red. V. Wróblewska. Vol. 2. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2018. S. 431. Любопытно, что по поводу демонологизации профессии кузнеца в народной культуре в роли упомянутого ремесленника неоднократно изображался именно иностранец или иноверец, см. подробнее: *Петрухин В.Я.* Кузнец // *Славянские древности: Этнолингвистический словарь* / Под ред. Н.И. Толстого. Т. 3. М.: Международные отношения, 2004. С. 22. С другой стороны, использование героем немецкого языка можно толковать этнографической принадлежностью цитируемого повествования к территории Великопольши (в 1815–1848 гг. Великого княжества Познанского), находящейся в пределах сильного влияния культуры, а в том числе и языка жителей Германии. Как писал Ян Станислав Быстронь, «...соседские отношения, а потом и многолетняя политическая зависимость заставили большое количество поляков пользоваться немецким языком, что неоднократно приводило к забавным деформациям и недоразумениям» [Bystroń 1960, s. 432], являющимся источником комизма по поводу «смешения двух языковых систем» [Bystroń 1960, s. 414]. В приведенном варианте сказки появляются также другие немецкие заимствования, такие как: *majster* (квалифицированный, самостоятельный работник, мастер, нем. *Meister*)

что перед ним явился *mnich* (монах), приглашает ремесленника войти⁴³.

В польской народной сказке возможен также ход событий, согласно которому кузнец доживает до ста или даже трехсот лет, пока Божья посланница не сообщит ему о необходимости покинуть земной мир. Тем временем, по крестьянским убеждениям, всем людям предназначено определенное число лет жизни, и смерть должна наступить точно тогда, когда упомянутый срок подошел к концу. Если земное путешествие человека продолжается слишком долго, возникают подозрения, что он живет за счет других людей, «заедает чужой век», и это может привести к превращению души умершего в так называемого заложного покойника [Байбу-рин 1993, с. 101–102]. В одном из вариантов смерть приходит за героем по его собственному желанию, поскольку черти не принимают его к себе. Ремесленник получает от них глыбу золота, после чего исполнительница Божьего приговора констатирует: “U siebie złoto, u mnie błoto” [«У тебя золото, у меня болото»] и отрезает герою голову⁴⁴. Таким образом подчеркивается неизбежность расплаты за свои поступки. Следует, однако, подчеркнуть, что с точки зрения жанра повествования такого типа значительно ближе к быличке, чем к волшебному повествованию⁴⁵.

В заключение наших рассуждений хотелось бы отметить, что сказкой отчасти сохраняются народные представления о демонологических коннотациях кузнеца и его профессии. Как квалифицированный специалист и материально обеспеченный человек, он выходил за пределы деревенской нормы. В связи с этим в восприятии сказочного кузнеца нашла отражение базовая мифологическая оппозиция «свой – чужой», а точнее – ее частная реализация «чужой среди своих», основанная на принципах магического мышления. Руководствующиеся ими крестьяне привыкли приписывать успешным людям греховность и тем самым компенсировать свое материальное положение и жизненные неудобства убеждением о посмертном спасении души, недоступном состоятельным членам деревенского сообщества.

и szurcfeł (фартук, нем. Schürze), см. также [Bystroń 1960, ss. 427–428, 430–433].

⁴³ Kolberg O. *Dziela Wszystkie*. T. 14. S. 250.

⁴⁴ Saloni A. *Lud łańcucki...*

⁴⁵ Основным жанровым признаком волшебных сказок считаем за Иолантой Луговской их компенсаторную функцию [Ługowska 1993, ss. 172–188], в то время как цель вышеуказанного повествования – вызвать у слушателя страх и предостеречь его от пагубных последствий собственной беспечности в столкновении с демоническим существом.

Итак, образ сказочного кузнеца в некоторой степени соответствует традиционным представлениям: герой нашего исследования неоднократно практикует магию или даже сговаривается с нечистой силой, злоупотребляет алкоголем, чрезмерно стремится к материальному обогащению, а также проявляет пренебрежительное отношение к смерти. Более того, поведение «хозяина огня», препятствующего провозвестнице конца жизни исполнить Божий приговор, можно толковать в категориях нарушения космического равновесия, порядка, установленного высшей сакральной силой. В свою очередь, в рассматриваемых нарративах незначительными оказались такие свойства упомянутого ремесленника, как его внешний вид, а также время и место профессиональной деятельности, то есть обстоятельства, ключевые для былички.

С другой стороны, сказочный образ кузнеца проникает комическое начало. Мотив «борьбы» героя с другими демоническими персонажами – чертом и смертью – вписывается в конвенцию сказочной трикстериады, суть которой составляет использование трюка, направленного на одержание победы над соперником, а иногда еще и на получение доступа к определенным благам. В волшебных повествованиях наследником мифологического трикстера выступает обычно дьявол, однако в рассматриваемых нами нарративах ловчачом оказывается именно кузнец, способный перехитрить даже самого правителя ада и неоднократно находящий выход из, казалось бы, совсем безнадежного положения.

Сокращения

СУС – Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост. Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков; ред. К.В. Чистов. Л.: Наука, 1979. 437 с.

ATU – *Uther H.-J.* The types of international folktales. A classification and bibliography: based on the system of Antti Aarne and Stith Thompson. Part 1–2. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, Academia Scientiarum Fennica, 2004. 536 p.

T – *Krzyżanowski J.* Polska bajka ludowa w układzie systematycznym. T. 1–2. Wrocław; Warszawa; Kraków: Ossolineum, 1962. 313 s.

Литература

Байбурин 1993 – *Байбурин А.К.* Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 237 с.

- Никитин 1971 – *Никитин А.В.* Русское кузнечное ремесло XVI–XVII вв. М.: Наука, 1971. 84 с.
- Новик 1993 – *Новик Е.С.* Структура сказочного трюка // От мифа к литературе: Сб. в честь семидесятилетия Е.М. Мелетинского / Сост. С.Ю. Неклюдов, Е.С. Новик. М.: РГГУ, 1993. С. 139–152.
- Bystroń 1960 – *Bystroń J.S.* *Komizm*. Wrocław: Ossolineum, 1960. 438 s.
- Eliade 2007 – *Eliade M.* *Kowale i alchemicy*. Przeł. A. Leder. Warszawa: Aletheia, 2007. 246 s.
- Jasiewicz 1963 – *Jasiewicz Z.* *Studia historyczno-etnograficzne nad kowalstwem wiejskim w Wielkopolsce*. Poznań: Wydawnictwo Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, 1963. 287 s.
- Karczmazewski 1976 – *Karczmazewski A.* *Kowalstwo ludowe południowo-wschodniej Małopolski*. Rzeszów: Muzeum Okręgowe w Rzeszowie, 1976. 287 s.
- Kowalski 2007 – *Kowalski P.* *Kultura magiczna. Omen, przesąd, znaczenie*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2007. 653 s.
- Ługowska 1993 – *Ługowska J.* *W świecie ludowych opowiadań. Teksty, gatunki, intencje narracyjne*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1993. 236 s.
- Poprzęcka 1972 – *Poprzęcka M.* *Kuźnia: mit, alegoria, symbol*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1972. 214 s.
- Rzepnikowska 2019 – *Rzepnikowska I.* *Представления о смерти в сказочной и несказочной прозе // Slavica Orientalis*. 2019. Vol. 68. S. 123–135.
- Zadurska 2021 – *Zadurska O.* *Naznaczeni od Pana Boga. Obcy wśród swoich na wsi polskiej XIX i początku XX wieku*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe SCHOLAR, 2021. 286 s.

References

- Baiburin, A.K. (1993), *Ritual v traditsionnoi kul'ture. Strukturno-semanticheskii analiz vostochnoslavyanskikh obryadov* [Ritual in traditional culture. Structural and semantic analysis of East Slavic rites], Nauka, Saint Petersburg, Russia.
- Bystroń, J.S. (1960), *Komizm*, Ossolineum, Wrocław, Poland.
- Eliade, M. (2007), *Kowale i alchemicy*, Aletheia, Warszawa, Poland.
- Jasiewicz, Z. (1963), *Studia historyczno-etnograficzne nad kowalstwem wiejskim w Wielkopolsce*, Wydawnictwo Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, Poznań, Poland.
- Karczmazewski, A. (1976), *Kowalstwo ludowe południowo-wschodniej Małopolski*, Muzeum Okręgowe w Rzeszowie, Rzeszów, Poland.
- Kowalski, P. (2007), *Kultura magiczna. Omen, przesąd, znaczenie*, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa, Poland.

- Ługowska, J. (1993), *W świecie ludowych opowiadań. Teksty, gatunki, intencje narracyjne*, Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, Wrocław, Poland.
- Nikitin, A.V. (1971), *Russkoe kuznechnoe remeslo XVI–XVII vv.* [Russian blacksmith's craft of the 16th – 17th centuries], Nauka, Moscow, Russia.
- Novik, E.S. (1993), “Structure of a trick in folktales”, in Neklyudov, S.Yu. and Novik, E.S. (eds.), *Ot mifa k literature. Sbornik v chest' semidesyatipyatiletiya E.M. Meletinskogo* [From myth to literature. Collected works in honor of the seventieth birthday of E.M. Meletinskii], RGGU, Moscow, Russia, pp. 139–152.
- Poprzęcka, M. (1972), *Kuźnia: mit, alegoria, symbol*, Państwowe Wydawnictwo Naukowe, Warszawa, Poland.
- Rzepnikowska, I. (2019), “Depictions of death in fables and other prose works”, *Slavia Orientalis*, vol. 68, no. 1, pp. 123–135.
- Zadurska, O. (2021), *Naznaczeni od Pana Boga. Obcy wśród swoich na wsi polskiej 19 i początku 20 wieku*, Wydawnictwo Naukowe SCHOLAR, Warszawa, Poland.

Информация об авторе

Анна Залевска, аспирант, Университет Николая Коперника, Торунь, Польша; 87-100, Польша, Торунь, ул. В. Боярского, д. 1; *a.zalewska@doktorant.umk.pl*

Information about the author

Anna Zalewska, postgraduate student, Nicolaus Copernicus University, Torun, Poland; bld. 1, V. Boyarskego St., Torun, Poland, 87-100; *a.zalewska@doktorant.umk.pl*